

Олли Ver

В
твоем
октябре

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олли Ver

В твоём октябре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39142480

SelfPub; 2018

Аннотация

Когда осень преподносит вам подарок, не отказывайтесь. Если вы позволите судьбе случиться, то в оберточной бумаге из осенних листьев вы найдете прозрачную акварель одной любви, сотканную из серебряной тоски и проливных дождей. Не пройти мимо счастья, улыбнуться удаче, обернуться и узнать в незнакомом лице любовь – поворотные мгновения твоей жизни, когда сам Бог берет тебя за руку. Не отказывайтесь... даже если это не та любовь, которую вы ждали. В оформлении обложки использована иллюстрация автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

В моем сентябре.	4
Глава 2	16
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В моем сентябре.

Глава 1

Это был тот самый день, когда хотелось сесть и завывать. Нет, не тот, когда ты случайно перешел дорогу удаче, и в ответ эта сумасшедшая затейница остервенело мстит – тебя взащей гонят с работы и/или отчисляют с последнего курса института, бросает парень, воруют кошелек в автобусе, и ты теряешь дорогуший телефон. Нет. Оторванная подошва любимых сапог, дыра на колготках за минуту до публичного выступления. Нет, нет. Не такой день. Этот просто стал самым серым, самым холодным за всю мою жизнь. С промозглыми улицами, тоскливыми лицами и полным штилем – город баюкал на своих плечах серые тучи, а они грязной ватой навалились на жителей, щекоча затылки людей серыми животами. Этот штиль и серый цвет проникали в тебя, пропитывали тебя, и помню, как я тогда испугалась, по-настоящему, всем сердцем поверив, что теперь так будет всегда. Хотелось выть, тянуло жилы, сводило скулы – теперь так будет всю мою жизнь – серо и безветренно.

Я смотрела в окно – мимо шли хмурые люди, проезжали безликие автомобили, изредка пробегали яркие пятна продрогших дворняг. Дождь вот-вот должен был начаться, но никак не начинался, и от этого нутро сводило от нетерпе-

ния – как обещание, которое никак не выполняют. Вот-вот должно было что-то измениться, что-то произойти, но никак не происходило. От этого сводило скулы и хотелось плакать. Даже баннеры и рекламные вывески за окном заразились блеклостью и все, как один, стали серыми – вот – серый красный, вот – серый желтый, вот – серый голубой и такой же фиолетовый.

Мой серый кофе давно закончился, и официантка не торопилась предлагать еще. Опускаю голову и медленно скольжу взглядом по столешнице, со стола мой взгляд сбегает на пол, откуда поднимается по барной стойке в другом конце зала, а затем неторопливо касается тонких, точеных лодыжек. Я думаю: «как же красиво» и поднимаюсь вверх по икре, следуя за изгибами длинных ног – линии её тела текут плавно, словно струящаяся по желобу вода, тени облюбовали её бедра и беззастенчиво прикасались к самому интимному, самому чувственному. Женщину едва прикрывает тонкий, полупрозрачный шарф – он сползает с её круглого плеча, и вот-вот должен открыть взору маленькую, но шикарную в своих изгибах грудь. Я вдохнула и медленно выдохнула, разглядывая ярко выраженную впадину позвоночника. Это женщина действительно талантлива. Неудивительно, что о её выставке так много говорят – телевидение, радио и даже вот – афиша в кафе. Я смотрела на рекламный баннер, который занимал немалую часть дальней стены, разглядывала стилизованные буквы её псевдонима, и думала об одиночестве –

каким же несчастным, каким же одиноким человеком нужно быть, чтобы ТАК видеть красоту. Видеть и показывать. И если уж меня так задел обычный рекламный плакат, то как же мне набраться смелости, чтобы посетить саму выставку этой Рут? Мой ответ – никак.

Только теперь чувствую на себе взгляд – отрываю глаза от афиши и смотрю вперед – через два столика от меня сидит парень. В первое мгновение мне стало не по себе – смотрит он так внимательно и пристально, что это похоже на впитывание, а не на взгляд совершенно незнакомого человека. Но, увидев, как я заливаюсь румянцем, он улыбается – еле заметно, уголками губ, без показной скромности. Я хмурюсь – застучала его за подглядыванием, а он даже не смутился. Поэтому смущаюсь я – опускаю глаза и уже по памяти рисую его лицо на светло-бежевой столешнице – узкая, вытянутая форма лица, но в то же время слишком тяжелый, массивный подбородок и тонкие губы, не лишенные некоторого изящества, нос длинноват, хотя узкая правильная форма немного компенсирует его размер, темные брови и ресницы, светло-зеленые глаза – в общем, далеко не красавец, но волосы... волосы привлекают к себе все внимание – шикарный крупный завиток длиной чуть ниже мочки уха глубокого кофейного цвета с тонким отливом серебра в каждом завитке. Они непослушно лезут ему в глаза, закрывая верхнюю половину лица, и он отрепетированным жестом убирает их назад. Я снова поднимаю глаза – он уткнулся в свои записи и

больше не смотрит на меня. А я отмечаю то, что не «сфотографировала» с первого раза – бледно-оливковую кожу – чистую, матовую. Очень худой – каждый угол его тела ощетиливается острыми, ломаными линиями – плечи, локти, сгибы тонких, длинных пальцев. Мешковатый свитер висит на нем, как на вешалке. Движения его такие же резкие, угловатые, нарочито грубые, как и он сам.

Быстрым взмахом руки он закрывает свой блокнот и складывает в бесформенный рюкзак вместе с карандашом. Тянется в задний карман джинсов и достает деньги – смятые, как попало сложенные купюры роятся в его руках, но его беспорядок не смущает – он быстро выхватывает три купюры и кидает их на стол. Именно кидает, а затем поднимается и натягивает на себя легкую ветровку, накидывает капюшон на голову, лямку рюкзака – на плечо. Быстрые шаги худых ног, и он пересекает зал, останавливаясь у барной стойки. Из ниоткуда появляется официантка, и он что-то говорит ей. Та кивает и улыбается. Так же угловато и нарочито небрежно он шагает к выходу и выходит в промозглый серый день. Официантка замечает мою пустую кружку и подходит ко мне:

– Еще чашечку?

Я перевожу взгляд на девушку:

– Нет, спасибо, – рассеяно говорю я, и лезу в сумку за кошельком.

– Ваш кофе оплачен, – говорит она мне.

Поднимаю на неё глаза – она улыбается и кивает головой

в сторону столика, где сидел парень. Мне неловко и первым приходит совершенно нелепое желание догнать его и выругаться – впечатление от него странное, неопределенное, а потому и подарки его – скорее, обуза, нежели приятная мелочь. Я хмурюсь, киваю девушке и натягиваю на себя пальто – она забирает пустую чашку и желает приятного дня. Я киваю в ответ. Выхожу из кафе и думаю про этот дурацкий кофе, и угловатого парня, и его странную манеру прямо и открыто смотреть в глаза незнакомцам. Очень странный тип.

Прохожу мимо окна и уже вижу копну темных волос сквозь стекло – склонился над своим блокнотом и что-то усердно пишет. Дверная ручка в моей руке – как рукопожатие, и меня окутывает теплом, запахом кофе и выпечки. Шутка ли – я думала об этой дурацкой чашке кофе все четыре дня. Но пришла сюда не поэтому, а потому, что кафе, где я сижу обычно, уже две недели как на ремонте, и я вроде как не на своей территории, а потому опускаю глаза в пол и прохожу в самый противоположный конец зала, за самый дальний столик – теперь нам не видно друг друга. Вот и славно.

Официантка приносит меню, но я заказываю то же, что и в прошлый раз, а для этого меню не требуется:

– Кофе, пожалуйста.

Она кивает и уходит, а я достаю из сумки потрепанный экземпляр «Призрак оперы» – я знаю книги и таинственнее и печальнее, но только от этой мне становится по-настоящему-

му уютно – она прячет меня в глубоких подземельях старого Парижского театра оперы, и там, внизу, мне не становится страшно – мне становится тепло и хорошо. Я перечитываю Леру каждую осень, в самом начале, когда становится сыро и промозгло, поэтому-то экземпляр не нов. Я кладу книгу на стол и думаю, что, наверное, для книги это и есть самое великое счастье – иметь надорванный, но любовно склеенный корешок, оббитые углы обложки, пожелтевшие страницы со следами кофе, мелкими надрывами и загнутыми уголками. Беру книгу в руки и подношу к самому кончику носа и делаю глубокий вдох – Боже мой... это прекрасно.

Официантка ставит передо мной кофе и улыбается. Я поднимаю на неё глаза:

– Давайте, я сразу рассчитаюсь, – говорю и лезу за кошельком.

– Как вам удобно, – пожимает плечиками она.

Она удаляется за счетом, а я достаю пару купюр, которые предполагают чаевые и кладу их на стол, а затем смотрю в окно. Когда же, наконец, пойдет дождь? Эти невыполненные обещания... ничего с ними не поделаешь. Но все мое существо зудит, мучается предвкушением – безумно хочется, чтобы пошел дождь. Странно, но пока официантка не появляется с узкой кожаной папкой для расчета, я даже не притрагиваюсь к чашке – сложила руки в замок и жду, как примерная школьница – детский сад, не иначе. Кладу деньги в кожаную папку, девушка забирает, я прошу не приносить сда-

чу, на что она улыбается и благодарит. Наконец, я остаюсь одна. Наклоняюсь над чашкой и вдыхаю терпкий, яркий, горячий аромат осени. Осень – не багряная и не золотая, осень – цвета крепкого кофе, насыщенного и глубокого коричневого, с тонкими переливами серебра в каждом завитке крупного локона, падающим на глаза... Ого! Какое-то время просто смотрю на свой кофе, а потом искренне удивляюсь самой себе. Совсем спятила? Хмурюсь собственным мыслям и быстро открываю книгу, словно обожглась, хотя к кофе еще и не притрагивалась – на чем я остановилась в прошлый раз? Ага, вот: «Какое-то время они хранят молчание. Есть в поведении Кристины что-то такое, что кажется Раулю неестественным...» – и книга забирает меня с собой в старый парижский театр оперы.

Возвращаюсь в реальность только потому, что кофе не льется из моей чашки. Отрываюсь от страниц и смотрю в кружку – пусто. Поднимаю голову в поисках официантки, но её, естественно, нет. Четыре дня назад она умудрялась потеряться из виду даже когда я сидела в центре зала, а уж теперь, будучи на периферии, я могла и не надеяться на её пристальное внимание. Поднимаюсь и выхожу из укрытия, оглядываю угол, выхожу к барной стойке, и первое, что бросается мне в глаза – его столик пуст. Облегчение заставляет меня коротко улыбнуться.

Спустя еще одну чашку кофе и еще один час, которые пролетели совершенно незаметно, я, обвязывая шарф вокруг

шей, идущую по проходу между столиками – мой взгляд так и тянется к пустому столику, за которым сидел нарочито грубый, откровенно некрасивый парень с угловатым телом и той же манерой двигаться. Смотрю – одергиваю себя, отвожу взгляд, но снова смотрю... как вдруг! – маленькая, крохотная женщина заставляет меня замедлить ход. Мой взгляд прикован к ней – она такая миниатюрная, что легко поместится на моей ладони. Звук собственных шагов замедляется, но я не слышу этого – я вся – в ней. Ровняюсь с его столом и смотрю на столешницу, совершенно не замечая, как официантка с улыбкой, по-детски искренней и восхищенной, подкрепленной розовым румянцем на щеках, смотрит мне в спину. Посреди пустого стола сидит крохотная девушка – статуэтка из воска или пластмассы такой тонкой, ювелирной ручной работы, что я замираю, словно боюсь разбудить её, оживить нечаянным движением – голова идеальной овальной формы покоится на изогнутой длинной шее, так что женщина смотрит куда-то вверх, узкие, круглые плечи плавно переходят в тонкие руки, которые обнимают согнутые в коленях, длинные стройные ноги. Она чуть сутулится, а потому овал спины естественен и непринужден. Статуэтка минималистична – нет волос, не прорисовано лицо и пальцы – лишь общий контур тела, но выточенный из материала с такой страстью к женщине, что эта нежность, эта тяга струится от крохотной фигурки тонким шлейфом.

– Это вам, – тихо говорит официантка из-за моей спины.

Я оборачиваюсь, смотрю на неё:

– Это он вам сказал?

Девушка отрицательно мотает головой, но становится еще розовее:

– Это же очевидно, – её глаза опускаются в пол, но поднимаются и смотрят на крохотную женщину на столе. – Посмотрите – это же Вы...

Вылетаю из кафе, оглядываюсь и вижу, как в окне, словно в декорациях к неведомому фильму, официантка берет со стола крохотную фигурку, прячет в карман и поднимает на меня глаза, глядя, как постыдно я сбегая от непривычной, совершенно непонятной, а потому пугающей откровенности.

День спустя я совершенно не думаю о статуэтке.

Три дня спустя – я не вспоминаю о статуэтке.

Залетаю в кафе и оглядываюсь – никого (его, ЕГО!) нет. Официантка за барной стойкой слышит звонок над дверью, поднимает на меня глаза, и улыбка расцветает на её лице одновременно с румянцем. Я подхожу к бару и нервно молчу – просто смотрю на девушку, совершенно не находя слов. Некуда деть глаза, мое лицо пылает, и руки, спрятанные в карманы, сжаты в кулаки. Но она и не смотрит на все это, она не ждет слов – тонкая рука окунается в карман и извлекает

на свет Божий крохотную фигурку. Официантка протягивает ладонь, на которой сидит тонкая, изящная красота. В её глазах икрится восторг. Она о таком только в книжках читала, а теперь видит своими собственными глазами. Видит и верит каждому слову, что когда-то в далеком детстве шептали сказки.

Я протягиваю руку и беру теплую фигурку продрогшими пальцами.

– Кофе? – тихо спрашивает девушка.

Я поднимаю на неё глаза:

– Да, – отвечаю еле слышно. – Пожалуйста.

Когда он заходит, его беглый взгляд скользит привычным движением от барной стойки к лицу официантки (легкое движение головы в знак приветствия), рассеяно по полу, привычное движение руки, убирающей волосы с лица, а потом он смотрит на стол и замирает – я сижу на его месте и смотрю на него. Громкий и шумный мир застыл – затаил дыхание, глядя на нас двоих. Эти секунды... они выпали из общего потока времени и превратились в звезды – сверкающие, яркие, неповторимые – и каждую эту секунду Бог зажег собственными руками. Бенгальские огни времени. Такое не забывается.

– Она не похожа на меня, – тихо говорю я, опуская глаза на крохотную женщину.

Он смотрит на фигурку, которую я положила туда, где он оставил её в прошлый раз. Его губы растягивает улыбка,

сверкающая ровными, белыми зубами.

– Уверена?

Он делает несколько шагов, пара угловатых движений, и вот он садится напротив меня, попутно снимая куртку:

– Женя, – говорит он.

Его голос – высокий и хриплый, словно он много курит.

– Мария, – говорю я.

Он не протягивает мне руку в знак приветствия, не говорит «очень приятно» или «рад познакомиться». Он говорит:

– Я знаю.

Мои брови удивленно вверх:

– Откуда?

Он кладет рюкзак на соседний стул, сверху ложится куртка:

– Иногда ты рассчитываешься безналом. На карте твое имя, так что... – он опускает глаза, но тут же поднимает их – они искрятся азартом и улыбка рисует крохотные морщинки в уголках глаз. – И с чего ты решила, что она не похожа?

– Кто? – на мгновение я теряюсь.

– Твоя копия, – с этими словами он опускает глаза и взглядом указывает мне на женщину между нами.

Смотрю на фигурку и снова на него:

– Я не такая... – пожимаю плечами, ищу слово. Откидываюсь на спинку стула и говорю, – ... изящная.

Он смотрит на меня, довольно долго. Мне становится неудобно, и я начинаю отводить глаза. А затем он сообщает

мне совершенно буднично, словно это и не секрет вовсе:

– Ты ничего не знаешь о себе.

Официантка приносит кофе нам обоим, ставит ароматный напиток на стол, и как только мы снова остаемся вдвоем, происходит то, чего я так долго ждала – раздаются быстрые барабанные дробы. Я поворачиваю голову и смотрю, как стекло покрывается тонкой сетью прозрачных шрамов, которые быстро сливаются в сетку воды, становясь все толще и гуще, пока, в конце концов, не тяжелеют прозрачными каплями, стекающими по толстому стеклу, и под резко усилившийся шум дождя не превращаются в крохотные водопады самого настоящего осеннего ливня.

Глава 2

Гастон Леру пылится на полке, а моя работа впервые в жизни становится в тягость. Нет, я не из тех людей, кто ненавидит свою работу, наоборот – я отношусь к ней с нежностью родителя, искренне любящего нерадивого ребенка. Несмотря на мою замкнутость, море людей никогда меня не раздражало – я рада, что могу помочь в том, в чем я ориентируюсь. И пусть люди трактуют мою профессию как им вздумается, коверкая её, как на устах, так и в трудовой, но я-то точно знаю, чем она не является: всей этой банальщиной – старший продавец, младший продавец... В хорошие дни я – книжный сомелье, в плохие – литературная проститутка. Но никогда – старший продавец. Никогда. До такого я еще ни разу не опускалась. А потому, если вы придете в крупнейший книжный магазин нашего города, и я буду свободна (опытные проститутки – они, знаете ли, очень занятые специалисты), я покажу вам то, что вы ищете и еще немножечко больше: я дам вам на пробу несколько цитат, чтобы вы почувствовали весь букет незнакомого вам произведения; если вы будете столь откровенны, что расскажете мне о своих тайных пристрастиях, я покажу книгу, которая приласкает ваши фантазии; я порекомендую вам совершенно противоположное тому, что вы любите, и вы, конечно, откажетесь, будучи искренне уверенными, что знаете, чего вы хотите...

Но я совершенно точно знаю, что спустя три месяца, может быть шесть, вы вернетесь сюда именно за той книгой, от которой открестились, и купите её, улыбаясь и опуская ресницы, с тихим «спасибо» на губах.

Сейчас я петляю среди книжных полок, забытых новенькими переплетами, и никак не могу поймать ритм – в моей голове звучит музыка – иногда тихие, а иногда болезненно громкие отголоски того дня, когда начался дождь.

Ты скульптор?

Нет. Это хобби.

Ко мне подходит девушка и спрашивает книгу – мне требуется всё моё внимание, и пока я концентрируюсь, успеваю поймать лишь последнее слово. Но мне и этого более чем достаточно, и я веду её за собой мимо огромных книжных стеллажей. Открываю рот, потому что мы проходим мимо книги, которая тоже совершенно точно придется по душе этой девушке, но слова застревают в горле.

Так ты не здешний?

Я здесь по работе.

Мы минуем еще две книги, которые я могу с полной уверенностью посоветовать, но это эхо...

Это специальная пластмасса – для скульпторов. Она достаточно мягкая, чтобы легко поддаваться правке, и в то же время прекрасно держит форму. Можно прорисовать множество мелких деталей, но... я их не знаю. А врать не хочу.

Вот эти «детали»... Девушка спрашивает меня, и я с огромным трудом концентрирую внимание на её словах – успеваю поймать суть, переспрашиваю и оказываюсь права – да, касса там, прямо за этим углом. Вас проводить? Нет? Удачного вам дня.

– То есть ты не скульптор, но знаешь особенности материалов?

Он пристально смотрит мне в глаза, кивает и улыбается.

– Так кто же ты? Кем работаешь?

Он смотрит и молчит, а затем:

– Ты есть хочешь?

Конец рабочей смены и я чувствую себя совершенно разбитой, словно и не работала, а совершенно бездарно потратила день – я Сизиф, и мой камень снова стремительно катится вниз.

Вот уже пятый день идет дождь, и никто не платит за мой кофе. Выхожу из кафе под ливень и ловлю себя на мысли, что становлюсь пылесборником всевозможных сопливых клише – оглядываю улицу и жду, что он встретит меня с зонтом или насквозь мокрый, но с букетом цветов наперевес. И это при условии, что я совершенно равнодушна к цветам. Маш, ну не стыдно, а?

Вечер пятницы, и люди гудят, как пчелы в улье – выставка той художницы, наконец, открылась. Бог мой, как же я хо-

чу пойти туда! Как же мне хочется полюбоваться буйством красок и симфонией линий – хочу увидеть вождение в его первозданном виде, своими собственными глазами. Хочу, но не могу. Покажется странным, но я совершенно уверена, что расплачусь у самой первой картины, или раскраснеюсь так, что все мои постыдные мысли будут, как на ладони. Люди будут оборачиваться, возмущенно кивать головой в мою сторону, как бы говоря своим спутникам: «Смотрите, смотрите какая вульгарная, какая нелепая девушка...», «Что она там себе надумала?», «Ужас! Ну позвольте, это же не публичный дом!» Современные каноны общества требуют относиться к вывернутой наизнанку душе так же, как к птичьему помету на лобовом стекле вашего авто. А я так не умею – если что-то касается моего сердца, то пробирается в меня насквозь. До дрожи. До слёз. А для таких пережитков прошлого, как я, припасены вилы, факелы, колья...

Нет, я лучше – домой.

А дома меня ждет крохотная статуэтка и растворимый кофе. Почему мы не обменялись номерами?

Вечер за вечером кофейные чашки сменяют друг друга, и взгляд официантки, заставшей чудо, но увидевшей его во всей красе суровой реальности, таким, каково оно на самом деле – двуликое и безжалостное – служит немым напоминанием того, что сказке в реальности совершенно не место. И если происходящее заставляет вас задыхаться от восторга, будьте внимательны, потому что в следующее мгновение –

тадам! – и вы сидите за пустым столом в полупустом кафе, пристально глядя на стол, за которым вы своими собственными глазами видели чудо – чудо обольщения. Такого легкого, такого искреннего. А может, искренность и была? Чем больше вечеров пролетают над моей головой, тем меньше я в неё верю. В чем же была выгода? Да ни в чем! Есть люди, у которых огромные, широкие крылья с тонкими, острыми, как бритва перьями – они расправляют их для вас, они взмывают в воздух, неся вас за облака, не замечая, как остро режут тонкие края. Они ранят не нарочно, просто у них слишком большие крылья, которые заслоняют обзор последствий.

Две недели.

Я перестала высматривать его в окне, но прежде я затерла стекло до дыр.

Я перестала вытягивать голову, при тонком перезвоне колокольчика над входной дверью, но прежде я прожгла дыру в деревянной панели.

Я перестала ждать. Безо всяких «прежде».

И именно тогда это и случилось – завершился ремонт в моем излюбленном кафе. Мне пришлось признать – то был мираж. Нужно иметь мужество подчиниться воле судьбы – есть люди, которым суждено промелькнуть в нашей жизни ярким всплеском. Нельзя требовать от судьбы сверх того, что было даровано – она уже дала вам много больше, чем есть у большинства людей. И, поблагодарив Всевышнего за щедрость, я навсегда покинула кафе. Но... на прощание я

подошла к барной стойке:

– Послушайте, – официантка выглянула из-под длинной столешницы и посмотрела на меня распахнутыми в немом вопросе глазами. – У меня необычная просьба.

Я замерла, глядя, как девушка с готовностью кивает головой, и подумала, что сейчас разочарую её, совершенно смазав впечатление от истории про Золушку. Я говорю:

– Этот плакат, – и я указываю на рекламную афишу художественной выставки, – можно мне его забрать?

С секундным замешательством девушка оборачивается назад и смотрит на стену, где прекрасная обнаженная женщина смотрит на меня с немым укором: «Трусиха» – говорят её глаза. Официантка снова поворачивается ко мне:

– Можно, – кивает она, – только вам придется прийти за ним позже. Я могу снять его только после окончания выставки.

– Понятно. Это, значит, через... – я мысленно считаю дни, – ... в конце сентября?

Девушка выходит из-за стойки, подходит к плакату и наклоняется, вглядываясь куда-то вниз. Оттуда он бубнит мне что-то, а затем поднимается и повторяет:

– Двадцать девятого сентября.

– Ладно. Я загляну тридцатого.

– Хорошо, – кивнула официантка.

Я вышла из кафе.

Глава 3

Я снова вклинилась в общий поток, и жизнь снова стала моей – узнаваема и предсказуема, совершенна в своей цикличности. Я работала, как проклятая, отрабатывая будущий отпуск. Нет, это не жестокость и бессердечность огромной компании, мол – хочешь в отпуск, так будь добра, выгляди, как человек, который там не был ни разу в жизни. На самом деле, я просто запихивала брненное тело в каждую брешь, лишь бы не давать продыху голове. По принципу компенсации я заменила человека куском плотной бумаги – я неистово ждала тридцатого сентября, лишь бы забрать афишу. Дома я уже приготовила место и согласовала детали – мне захотелось вставить её в рамку. Не спрашивайте – почему, я и сама толком не знаю. Вообще, кто-нибудь делает рамки для выставочных афиш? Думаю, таких немного. Однако, я для себя твердо решила и даже продумала тонкости – рамка будет тонкой, минималистичной, чтобы подчеркнуть картину, а не акцентировать на себе внимание, и будет нежно-го мятного оттенка – цвета шарфа женщины, который едва прикрывает её грудь. И, как только я это решила, время расправило крылья и пролетело, словно только этого и ждало – твердого решения относительно цвета рамки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.